

Карлейль Томас

Памфлеты последнего дня

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Т56

Т56 **Томас К.**
Памфлеты последнего дня / Карлейль Томас – М.: Книга по Требованию, 2023. – 131 с.

ISBN 978-5-519-88443-3

ISBN 978-5-519-88443-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НАШЕ ВРЕМЯ.

(1850 г.).

Наше время, самый младший потомокъ вѣчности, дитя и наследникъ всѣхъ прошедшихъ временъ со всѣмъ ихъ добромъ и зломъ, и въ то же время родитель всѣхъ временъ будущихъ, представляется для мыслящаго человѣка совершенно «Новой Эрой». Оно идетъ съ новыми запросами, съ новыми понятіями, которыми иногда впрочемъ кажутся избитыми.

Познать его, уразумѣть, чего оно отъ насъ требуетъ, это высшее знаніе для всѣхъ насъ. Новый день, посланный намъ небомъ, имѣетъ въ себѣ и небесныя знаменія: если среди пошлой тривіальности и громкаго, но безсодержательнаго шума, мы не сумѣемъ прочесть и исполнить его молчаливыя требованія - то горе намъ! Итъ грѣха, за который люди и народы платились бы сильнѣе, чѣмъ тотъ, который предполагаетъ и включаетъ въ себя всѣ роды грѣховъ, грѣхъ, который наши предки называли слѣпотою сужденія, а мы, съ нашимъ легкомысліемъ, именуемъ непониманіемъ духа времени, тупымъ къ нему пренебреженіемъ и измѣной его смыслу и требованіямъ, слѣпой привязанностью—активной или пассивной къ ихъ фальсификаціи и одной лишь ихъ видимости. Это вѣрно относительно всѣхъ временъ и дней.

Но во дни, которые теперь проходятъ надъ нами, даже глупцы останавливаются и спрашиваютъ себя о ихъ значеніи. Рѣдко когда людское поколѣніе видѣло болѣе важныя дни. Дни безконечнаго бѣдствія, разложенія, смѣщенія всего съ своего мѣста и самой злой путаницы—

если это не дни безконечной надежды, то они—дни крайняго отчаянія. Разрушеніе, суди по современности и по перспективамъ, становится всеобщимъ—и тутъ мало однихъ крошечныхъ надеждъ. Долженъ быть новый міръ, если вообще долженъ быть какой-нибудь міръ! Человѣческія дѣла въ нашей старой Европѣ могутъ перннуться къ прежней скучной рутинѣ и продолжаться въ прежнемъ духѣ и въ наше время. За крошечныя надежды уже нѣтъ возможности держаться. Дни всеобщей смерти должны быть и днями всеобщаго возрожденія, если только разрушеніе не коснется всего и всѣхъ. Такое время заставитъ размышлять и самаго тупого человѣка, и онъ невольно спроситъ себя: «откуда оно? Къ чему оно идетъ?» Вопетину «Новая Эра», какъ для мудреца, такъ и для глупца!

Словно отъ какого-то подземнаго электрическаго тока во всей Европѣ произошелъ взрывъ безграницный, не поддающийся учету. Явился 1848 г., одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ, страшныхъ, изумительныхъ и въ общемъ унижительныхъ годовъ, какіе только приходилось видѣть европейскому міру. Со временемъ вторженія сѣверныхъ варваровъ не было ничего подобнаго. Повсюду поднялась неизмѣримая демократія, чудовищная, шумная, нечленораздѣльная, какъ голоса Хаоса. Повсюду официальное святое свитыхъ скандально обнажено для несовѣтъ и профановъ: входи весь міръ, смотри, что такое эта официальная святыня! Повсюду король и правители поражены внезап-

пымъ ужасомъ—голоса всего міра вопили прямо въ уши: «Прочь безмысленные лицемѣры, шуты, а не герои! Прочь!—и что еще болѣе замѣчательно и что происходитъ впервые отмѣчать въ этомъ году—короли дѣйствительно поспѣшили убраться, какъ бы восклицая: «Мы, конечно, жалкіе комедіанты, это мы знаемъ. А намъ нужны герои. Не убивайте же насъ. Мы не въ силахъ удовлетворить васъ».

Ни одинъ изъ нихъ не вернулся назадъ и не занялъ опять своего королевства, какъ будто бы онъ по праву могъ уклониться отъ смерти за него или отъ риска за него своей шкурой. Это, говорю я, и есть тревожная особенность настоящаго. При такомъ небываломъ случаѣ, демократія находить, что короли сознаютъ, что они только комедіанты. Пока эти жалкіе смертные, поддерживаемые вѣрою лишь въ то, чего вселенная, можетъ быть, только призракъ и видимость, разыгрываютъ комедію своей высокой жизни, внезапно входитъ неумолимый Констатъ Судобы.

«Скандалные призраки, что дѣлаете вы здѣсь? Неужели стали уже королями людей шуты, торжественно дающіе конституцію? Неужели вы думаете, что человѣческая жизнь не что иное, какъ уродливый танецъ обезьянъ? Неужели нужно идти подъ визгливые звуки вашей жалкой скрипки? О несчастные! Вселенная не театръ разряженныхъ маріонетокъ, но страшный Божій фактъ. Не лучше ли вамъ отойти прочь?»

И они поспѣшно бѣжали—нѣкоторые съ изысканною подлостью—во мракъ каторги или даже хуже. И вездѣ народъ или населеніе сами взяли правленіе надъ ними, и открытое «безкоролье», называемое анархіей,—какъ было бы хорошо, еслибы это было анархіей плетеньгородовой—стало теперь повсемѣстнымъ порядкомъ дил.

Такъ шла исторія отъ Балтійскаго моря до Средиземнаго, въ Италію, Францію, Пруссію, Австрію, отъ одного конца Европы до другого въ эти мартовскіе дни 1848 г. Со времени разрушенія Римской Имперіи сѣверными варварами я не знаю ничего подобнаго.

Итакъ въ Европѣ не осталось королей. Ни одного короля, кромѣ уличнаго оратора, разглаголюющаго на подмосткахъ и въ передовицахъ или идущаго въ

толпѣ разглагольствовать въ національный парламентъ. Почти втеченіе четырехъ мѣсяцевъ вся Франція и въ значительной степени вся Европа, охваченная всякаго рода бредомъ, за исключеніемъ, къ счастью, бреда убійствъ, представлялась волнующейся толпой подъ предѣлательствомъ въ Hôtel de ville—Ламартина, въ высшей степени краснорѣчиваго мужчины, котораго неумѣющие мыслить люди принимаютъ за пророка, персоевѣщенника и непосланнаго небомъ евангелиста, и котораго одинъ остроумный янки называетъ первымъ уличнымъ ораторомъ въ мірѣ, забравшимся на сцену высокія по инстинктамъ временамъ подмостки. Печальное зрѣлище для мыслящихъ людей этого господина Ламартина! Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ мелодичнаго пѣтерка, который принимается за что-то божественное, а не дьявольское. Это довольно печально: краснорѣчивое модное попполеніе грядущаго Хаоса, способное говорить за себя и убѣдительно доказывать, что оно есть Космосъ! Однако въ такихъ случаяхъ нужно немного подождать: всякіе воздушные шары терпятъ и должны терять свой газъ подъ давленіемъ вѣщей и скоро сплываються самымъ жалкимъ образомъ.

И вотъ въ городахъ, въ одномъ за другимъ, нагромождаются уличные баррикады и начинается шумный болѣе или менѣе смертоубійственный бунтъ: населеніе возстаетъ за населеніемъ, короли одинъ за другимъ капитулируютъ или скрываются и во всѣхъ концахъ Европы. Демократія производитъ взрывъ, наиболѣе сокрушительный и наименѣ сокрушаемый, чѣмъ когда-либо. Слишкомъ печальное доказательство того, на какомъ бездонномъ вулканѣ и поппемѣстно заложеной минѣ, заряженной самыми горючими млтескими хаотическими элементами, которые отдѣляются отъ насъ только тонкой земной корой, покоится въ наше время общество со всѣми своими установленіями и порядками! Лица, которыя поднимаютъ или даютъ сигналъ къ подобнымъ революціямъ—студенты, молодые литераторы, адвокаты, журналисты, разгоряченные энтузіасты и одичавшіе справедливо потерпѣвшіе крушеніе неудачники, всюду играющіе на не-

довольствѣ миллионныхъ массъ и раздувающія пламя — заставляютъ подумать о характерѣ нашей эпохи.

До нашего времени молодежи, почти дѣти, никогда не занимала столь командующаго положенія въ человѣческихъ дѣлахъ. Въ теченіе вѣковъ слово *senior* прежде всего выражало понятіе «старинный» и существовало во всѣхъ языкахъ. Въ тѣ эпохи, когда люди уважаютъ житейскую мудрость, старыи люди пользуются почтеніемъ и авторитетомъ. Въ эпохи, которымъ нужна не эта мудрость, а что-то другое, и когда этой мудростью не обладаютъ и не считаются съ любовью, человекъ болѣе стараго возраста теряетъ уваженіе. Присмотрѣвшись пристальнѣе, вы увидите, что и въ самомъ дѣлѣ, онъ утрачиваетъ уваженіе и навлекаетъ на себя презрѣніе. Въ такіе дни, когда авторитетъ старшинства нужно еще создать, это должна сдѣлать молодежь, а не люди зрѣлаго возраста. Зрѣлый человекъ, закоренѣвшій въ скептическомъ эгоизмѣ, не знаетъ иныхъ побужденій, кромѣ своей собственной холодной осторожности, жадности, низкой нугливости. Онъ не можетъ привести къ цѣли, которая кажется благородной.

Но вернемся къ предыдущему.

Это безумное положеніе вещей, конечно, скоро разрѣшится само собою, что и началось уже повсюду. Обычныя потребности повседневной человѣческой жизни не могутъ примириться съ нимъ. Кое-какой ремонтъ, ремонтъ на время, старой машины подъ новымъ названіемъ, но съ прежней конструкціей, по всей вѣроятности, придется ввести въ большинство странъ. Опять вернутся прежніе шутовскіе короли, но при новыхъ условіяхъ: съ конституціей и съ народными парламентами. И повсюду прежняя повседневная жизнь попробуетъ опять начать свое теченіе, но теперь уже ить надежды, чтобы подобныя учрежденія оказались вѣчными. Они только жалкія временныя ухищренія, которые, превративъ ихъ въ постоянныя, будутъ сброшены новымъ взрывомъ, который случится быстрѣе, чѣмъ было въ послѣднее время. Въ такомъ-то бѣдственномъ колебаніи, посясь среди яростныхъ бездонныхъ потоковъ, сталкиваясь съ противоположными теченіями, безъ всякой

твердой точки опоры, должно метаться европейское общество, то плачливо спотыкаясь, то съ болью выпрямляясь при каждомъ короткомъ перепои, пока не явится на свѣтъ новое гравитное оспованіе и не прекратится волнующійся потокъ митежа и не исчезнетъ самая необходимость митежа.

Демократія, что бы мы ни думали о ней, повсемѣстно заявила о себѣ, какъ о неизбѣжномъ фактѣ нашего времени. И пелкій, кому выпадетъ на долю служить просвѣщенію или быть руководителемъ въ эти дни, долженъ начать съ признанія этого факта. Уличныя баррикады, новыя выходы анархизма, чѣмъ безкровнѣе, тѣмъ скандальнѣе, должны повторяться опять и опять, пока правящіе лица знаютъ и допускаютъ этотъ фактъ. Демократія здѣсь, и это можно сказать вездѣ: ибо теперь уже шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Великая или Первая французская революція грозно заявила объ этомъ фактѣ всему міру, однимъ посланіемъ за другимъ, при чемъ нѣкоторыя были довольно страшны.

Теперь уже весь міръ можетъ вѣрить въ наличность этого факта. И міръ въ него вѣритъ. Вѣрятъ въ него и короли. Они знаютъ или прозрѣваютъ съ понятнымъ страхомъ, что они только временныя призраки, Актеры, а Демократія—великая, тревожная, нависшая надъ грозой и неоспоримая действительность. Среди позорныхъ явленій, свидѣтелями которыхъ мы были за эти два года—это явленіе, внушающее больше всего надежды. Это признакъ того, что мы все ближе и ближе подходимъ къ самой проблемѣ, которую намъ необходимо разрѣшить, или умереть. Всякая борьба, всякій походъ противъ сущности этой проблемы, отнынѣ безнадеженъ и неуменъ. Такъ боги предопредѣлили; никакой Питтъ, никакое собраніе Питтовъ или другихъ смертныхъ не можетъ этого измѣнить. Демократія, несомнѣнно, здѣсь. Незвѣстно, какъ долго продержится она въ скрытой подпольной формѣ даже въ Россіи. Въ Англіи, хотя мы и противимся энергично ея проявленіямъ въ видѣ уличныхъ баррикадъ и революціонныхъ наисадовъ и категорически отказываемся принять ее въ такой

формѣ, тѣмъ по менѣ слѣды милліонъ ея погѣ на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ, гулъ ея оглушающаго тысячекратнаго голоса во всѣхъ рѣчахъ и писаніяхъ, во всѣхъ мысляхъ, модахъ и поступкахъ людей. Если чья-либо душа не можетъ замѣтить ея—съ надеждою или ужасомъ—то не къ ней мы обращаемся.

Что такое Демократія, этотъ огромный неизбѣжный результатъ судебъ, который повсемѣстно составляетъ въ наши дни часть Европы? Вотъ въ чемъ для насъ вопросъ. Откуда идетъ она, эта повсемѣстная, густая, черная Демократія? Куда она направляется и каковъ ея смыслъ? Долженъ же быть въ ней смыслъ, иначе бы ея не было. Если мы найдемъ истинный ея смыслъ, то сознательно уступая или сопротивляясь, мы еще можемъ надѣяться ужиться съ нею. Если же мы не найдемъ этого смысла, если мы поймемъ значеніе Демократіи неправильно или вовсе не поймемъ его, жить станетъ невозможно! Требуется теперь вся социальная мудрость, во имя даваго намъ эту мудрость, чтобы выяснитъ себя и заложитъ себя глубоко въ сердце смыслъ всеобщаго возстанія европейскихъ народовъ, которое зоветъ себя Демократіей и собирается стать, можетъ быть, постояннымъ. Безъ сомнѣнія, это сильная драма, гдѣ дѣйствіе идетъ за дѣйствіемъ, здѣсь безконечное поле для любопытства, здѣсь такая ставка, которая способна захватить вниманіе всѣхъ людей мудрыхъ и глупыхъ. Тупая толпа поднимаетъ свой голосъ, славословитъ и благословляетъ до небесъ: въ болѣе чѣмъ жалкихъ стихахъ и прозѣ возвышается, что теперь настала Новая Эра и давножданное время полнаго человѣческаго счастья. Славный и бессмертный народъ, возвышенные граждане Франціи, героическія баррикады, триумфъ гражданской и религіозной свободы—и о, небо! одно изъ самыхъ частыхъ неизбѣжныхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ для серьезнаго чловека несчастій—потоки уличнаго краснорѣчія, льющагося изъ коллективной глотки глупаго человѣчества!

Этотъ потокъ на время заглушаетъ всѣ мысли, кромѣ одной весьма печальной, что мы вернулись къ бѣдственному, тяжело на-

груженному вѣку съ длинными ушами, и должны покорно существовать въ немъ. Фронтальная стѣна нашего прежняго жалкаго жилища, которое вы давно уже безрезультатно брали, въ концѣ концовъ цѣликомъ обрушилась и упала на улицу. Потолки еще, можетъ быть, висятъ на своихъ балкахъ, еще держатся старыя деревянные части постройки, хотя и перекошенные, на ржавыхъ гвоздяхъ, но изѣденныя червями скрѣпы расходятся все болѣе и болѣе. Все-таки радостно въ подобныхъ обстоятельствахъ то, что вся семья бурно ликуетъ въ честь будущаго освѣщенія и вентиляции, простора и будущихъ красивыхъ видовъ. Слава Богу, если они приобретутъ жилища себя по вкусу!

Мои дорогіе квартиранты! Полно вамъ пить и немолословить. Отложите цимбалы, а возьмите-ка ваши рабочіе инструменты, если они у васъ есть. Могу вамъ сказать по секрету, что законы тяготенія еще существуютъ, и ржавые гвозди, изѣденныя червями скрѣпы и необъяснимое равновѣсіе всей постройки—далеко не лучшій фундаментъ для новаго дома. Слыхалъ я, что въ закоулкахъ ирландскихъ городовъ бѣдняки живутъ и не безъ опасности варить себя картофель на такомъ колеблющемся полу. Но не приходилось слышать, чтобы они пили гнилыя тапалы или шампань. Пить, они ходятъ потихоньку, присаживаются около задней стѣны и съ опасностью для себя варятъ картофель въ большинствѣ случаевъ въ полномъ молчаніи.

Громкіе крики экзальтаціи на всѣхъ далекихъ при каждой грохочущей, какъ колесница, рѣчи или писанной статьи, несутся издали и поблизости по поводу этого послѣдняго божественнаго воплощенія Демократіи въ 1848 г. И тѣмъ по менѣе, для умныхъ людей, съ перваго же взгляда на него представляется скорѣе зрѣлище безграничной жалости и печали. Что можетъ быть печальнѣе этой повсемѣстной трагедіи вышнихъ сановниковъ, важныхъ чиновниковъ, могучихъ и серьезныхъ сенаторовъ міра, этого повсемѣстнаго возстанія нечленораздѣльных пѣмыхъ массъ противъ тѣхъ, кто думалъ говорить за нихъ и руководить ими? Стало быть, эти люди были попросту слѣпыми, которые только

притворялись, что видятъ? Стало быть, эти правители въ сущности вовсе не правили, а только присвоили себѣ атрибуты и одежду правителей, а къ работѣ и не притрогивались? Короли были тѣнью королей, и разыгрывали комедію на Друриленской улицѣ. Что же это было за народъ, который принималъ ихъ за реальную дѣйствительность?

Очевидно, въ человѣческихъ дѣлахъ обнаружили самую колоссальную фальшь, которая когда-либо выходила наружу. Стало быть, эти почтенные посетители сана, что сидѣли съ своими далеко еяющими и символическими знаками достоинства и широкозвучающими старинными притязаніями, были только обманщиками?

Несомнѣнно, они дѣлали, но дѣлали не то дѣло. Исторія, которую они рассказывали людямъ, была хитро придуманной басней, евангеліе, которое они проповѣдывали, было не объясненіемъ дѣйствительнаго положенія людей въ этомъ мірѣ, но безсмысленной фабрикаціей мертвыхъ привидѣній и неподвижныхъ еще тѣней, традицій, лицемѣрій, безнечности, трусости—ложью лжей, которая въ концѣ концовъ перестала цѣлаться одна за другую. Противъ своего желанія, эти высшія единицы человѣческаго рода были, стало быть, введены въ обманъ, а миллионы низшихъ, которые вѣрили въ нихъ, были одурачены—взаимный обманъ, иначе они не вѣрили бы въ нихъ такъ долго. Повсемѣстное банкротство обмана—вотъ какъ это можно назвать короче. Повсемѣстно было замѣчено, что обманъ и природа противны другъ другу. Никогда не омрачала лика солнца болѣе отвратительное явленіе, столь же широкое, какъ Европа! Банкротство вездѣ, грязный позоръ и отвратительное отчужденіе въ высшихъ кругахъ. На все это противно смотрѣть, какъ на мѣсто вчерашней рѣзни. Нельзя даже назвать избіеніемъ младенцевъ это повсемѣстное выбрасываніе на улицу обманщиковъ и обмановъ!

Можно ли назвать такое зрѣлище веселымъ? Для умнаго человѣка въ немъ есть кое-что и веселое. Но это веселое полно ужаса. Оно печальнѣе всякаго огорченія—подобно зрѣлищу безсмертія, которое достигается только черезъ смерть

и могилу! И у кого, въ глубинѣ сердца не шевелится чувство благочестивой благодарности за то, что обманъ потерпѣлъ наконецъ крушеніе? Конечно, предоставьте ему показать свою несостоятельность, сдѣлайте это во имя самого Бога. Обманъ, если онъ открытъ, а онъ долженъ быть и будетъ открытъ,—неправистель, нетерпимъ и Богомъ и людьми. Убѣдите въ этомъ всѣхъ и быстро приготовьтесь разстаться съ нимъ, гдѣ еще къ этому не приготовились, и сумѣйте сдѣлать такъ, чтобы онъ, если возможно, больше не возвращался. Вѣчные голоса, которые хорошо слышны, говорить о необходимости такой мѣры отъ одного конца свѣта до другого. Неселая мѣра, но тѣмъ не менѣе необходимая.

Увы! Довольно грустно, что анархія здѣсь съ нами, хотя намъ и не позволяютъ жалѣть объ этомъ. Можетъ ли всякій, кто смотритъ на вселенную человѣческимъ взглядомъ, желать, чтобы продолжали существовать эти всякаго рода призраки, въ особенности призраки—короли? Итъ, изъ всѣхъ силъ нужно молиться, чтобы исчезли эти призраки. Въ какую бездну мы свалились, если это многимъ покажется ненужнымъ! Это дѣйствительно покажется ненужнымъ для многихъ, а не для одного солиднаго англичанина изъ такъ называемыхъ культурныхъ классовъ, прекрасно переваривающаго свой пуддингъ, которому это покажется ненужнымъ пожалуй даже въ высшей степени. За всю свою жизнь онъ привыкъ относиться съ уваженіемъ къ приличнымъ формамъ задога до того, какъ они лишились своего смысла, ко всему, что мы, на нашемъ икоборческомъ языкѣ, называемъ призраками. Ему не приходилось слышать, что они чѣмъ-нибудь вредны, что можно идти впередъ и безъ нихъ. Развѣ хлопотъ, мясо и колониальные товары не могутъ приходиться съ востока и запада и при существованіи этихъ призраковъ? Короли царствуютъ, называя это царствованіемъ, адвокаты ведутъ судебныя дѣла, епископы проповѣдуютъ, достопочтенные члены парламента ораторствуютъ. Къ довершенію всего, какъ будто призраковъ и не было, развѣ процентныя бумаги уже не котировются, а банкиры не расплачиваются слитками золота или

бумагами, обезпеченными металлическимъ фондомъ? Величайшій призракъ, котораго я только могъ себѣ представить, есть тотъ, который самъ разрушить все эти призраки.

Въ такую бездну попалъ и я, бѣдный человѣкъ, знающій нашу эпоху, стоящую ниже уровня самаго низкаго человѣческаго вѣка и стремящуюся ко временамъ обезьянъ. Никогда вплоть до позднѣйшихъ поколѣній не было среди сыновъ Адама такого гнуснаго богохульства, никогда твореніе, называемое человѣкомъ, не носило въ сердцѣ своемъ такой вѣры, что ложь правила по всей землѣ, что въ сознательной, издавна установленной лжи—помощь и спасеніе для него, а не помѣха и гибель. О, другъ мой, Тяжкодумъ! Въ этомъ-то и печаль изъ печалей: что случилось бы съ нами на землѣ, пока выбросили бы изъ сердца это проклятое навожденіе, хранилище и святилище всѣхъ заблужденій! Оно будетъ выброшено; такъ должно быть, или мы все каждую минуту летимъ—не хочется говорить куда. А обратный подъемъ, на какія бы высоты оно насъ ни повело въ этомъ печальномъ мірѣ величайшей лжи, обмановъ и пустыхъ призраковъ (ставшихъ теперь страшными), среди которыхъ, словно среди своей домашней обстановки, мы прожили послѣднія два столѣтія! На высоты или въ глубину социального и индивидуальнаго разрыва съ иллюзиями—къ священной и важнѣйшей реформѣ права, необходимыхъ улучшеній и къ суровымъ ограниченіямъ—къ такому, что теперь о нихъ и говорить нельзя, нельзя даже осмѣлиться и подумать. Понетинѣ, намъ предстоитъ тяжелая работа. Повелительно требуется приступить къ ней, прежде чѣмъ она сама спустится до темныхъ массъ, гдѣ не будетъ работы, а лишь страданіе и безнадежная гибель!

Или, можетъ быть, демократія, приншествіе которой теперь возвыщаютъ, сама управится съ нею? Демократія, однажды отыгтая во всеобщее голосованіе, снабженная баллотировочными ящиками и т. п., сама произведетъ всеобщую снайперскую перемѣну отъ мнимаго къ дѣйствительному и мало-по-малу сдѣлаетъ изъ насъ міръ благословенный. Для громадной массы людей дѣло, несомнѣнно,

представляется именно съ этой обнадѣживающей стороны. Демократія, разсуждаютъ они, есть родъ правительства. Старая модель, отыгтая уже давно и доведенная до совершенства въ Англіи два столѣтія тому назадъ, была рекомендована всѣмъ націямъ въ качествѣ цѣлительнаго средства противъ всѣхъ золъ: «учреждайте парламенты!» заговорили всадъ народы, когда стало ясно, что бывшіе до того короли—только короли—призраки. «Давайте намъ всеобщее голосованіе, и сразу или въ должной постепенности явится правда и наступитъ золотой вѣкъ».

Такъ представляютъ они себѣ дѣло.

Но, къ несчастію, не таково мое пониманіе дѣла. Если бы это было такъ, то я былъ бы счастливъ и оставался бы въ безмолвіи, и не было бы мнѣ повода говорить здѣсь. Но мнѣ совершенно ясна обратная сторона всего этого. Она, по видимому, забывается огромнымъ большинствомъ моихъ современниковъ и мнѣ приходится обратиться къ нимъ съ своимъ словомъ. Обратная сторона всего этого! Я заглянулъ въ корень всего этого. Разобраться въ томъ, годенъ ли парламентъ для управленія народами, насколько онъ можетъ быть годенъ теперь въ наши новыя времена, даже въ Англіи, гдѣ мы такъ давно къ нему привыкли,—вотъ тревожный вопросъ, къ которому мы теперь торжественно приглашаемъ всѣхъ мыслящихъ людей, добрыхъ гражданъ своей страны, имѣющихъ уши, которые среди преходящихъ криковъ и бурныхъ громкихъ заявленій способны улавливать и тихіе голоса, и указанія Вѣчности. Приглашаемъ ихъ во имя самаго суроваго факта, который въ одинъ прекрасный день и, можетъ быть, очень скоро потребуетъ отъ насъ практическаго рѣшенія и перерѣшенія подъ страшной отвѣтственностью, если мы рѣшимъ дѣло не такъ! Я полагаю, что мы все обязаны вдуматься въ этотъ вопросъ и лучше теперь, чѣмъ тогда, когда времени для этого будетъ меньше. Если парламентъ, съ подачей голосовъ всеобщей или какой-нибудь другой, есть методъ, тогда давайте думать о способахъ подачи голосовъ, думать безъ усталости, до тѣхъ поръ, пока мы не остановимся на одномъ изъ нихъ. Но, можетъ быть, парламентъ и

не есть методъ. Возможно, что прежнія поколѣнія англійскаго народа установили его какъ методъ, а Вѣчные Законы Природы установили его вовсе не какъ методъ! Если парламентъ съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ законовъ вовсе не методъ, то это обстоятельство повелительно требуетъ отъ насъ обратить вниманіе на этотъ фактъ и отказаться отъ этого метода: какъ бы единодушно мы ни были на этотъ счетъ, но съ точки зрѣнія Вѣчныхъ Законовъ вещей каждый шагъ въ этомъ направленіи будетъ шагомъ не къ улучшенію, а отъ него.

Единогласный вотумъ не поможетъ намъ ничуть, если это такъ. Вашъ корабль не можетъ обогнуть мысъ Горня при помощи лишь великолѣпныхъ методовъ голосованія. Корабль можетъ голосовать за то или другое, на палубѣ и въ трюмѣ, самымъ гармоничнымъ и конституціоннымъ образомъ. Корабль, чтобы обогнуть мысъ Горня, найдетъ рядъ условій, уже принятыхъ голосованіемъ и закрѣпленныхъ съ твердостью бриллианта древними стихійными Властями, которыми совершенно итѣтъ дѣла, какъ въ голо-суете. Если вы можете, голоса или не голоса, поддержать эти условія и мужественно приспособиться къ нимъ, вы обогнете мысъ Горня. Если же вы этого не можете—порывистые вѣтры отнесутъ васъ назадъ. Неумолимы ледяныя горы, безмолвные помощники хаоса, толкнуть васъ и дадутъ вамъ это понятъ наиболѣе свойственнымъ хаосу образомъ. Вы будете выброшены въ полужамерзшемъ состояніи на скалы Патагоніи или получите отъ ледяныхъ помощниковъ урокъ подъ проливнымъ дождемъ и никогда не обогнете мыса Горна. На палубѣ полное единомысліе. Экипажъ можетъ быть вполне солидаренъ между собою, что, конечно, до поры до времени очень полезно для него и для его призрака-капитана, если онъ у него есть. Но если галсъ, который они дѣлаютъ съ полнымъ единодушіемъ, ведетъ ихъ прямо на дно пропасти, то это единодушіе не послужитъ экипажу на пользу!

Кораблять, стало быть, не нужны баллотировочныя лишки. Не нужны имъ и призраки-капитаны. Тутъ нужно другое и это другое должно показать и мудрость и чувство самосохраненія, эту пер-

воздающую заповѣдь Природы. Призрачные капитаны и единодушіе въ голосованіи—вотъ что теперь считается закономъ и пророками!

Если бы человѣкъ теперешняго или слѣдующихъ одного—двухъ поколѣній могъ заглушить въ своей душѣ повсемѣстный гомонъ докторовъ политики и обдумать дѣло самостоятельно, разсчитывая его искренно и своимъ собственнымъ умомъ, то, смѣю сказать, онъ сообразилъ бы, что такой способъ плаванія нелѣпъ какъ въ Магелановомъ проливѣ, такъ и въ неоткрытыхъ еще моряхъ Времени. Чтобы добиться въ этомъ мірѣ благополучія, счастья, побѣды и улучшеній для отдѣльнаго ли человѣка или для дѣла народа, нужна только одна вещь: чтобы человѣкъ или народъ могъ знать, въ чемъ состоитъ правильный порядокъ Вселенной относительно его и его дѣла и вѣрно и неуклонно слѣдовать ему. Это приведетъ ее къ побѣдѣ, что бы ни давало ему такой порядокъ—русское ли самодержавіе, чартистскій ли парламентъ, великій ли Лама, сила ли общественнаго мнѣнія, архіепископъ ли кентерберійскій или серафическій докторъ съ его послѣднимъ евангеліемъ политической экономіи. Этотъ порядокъ ставитъ его на вѣрный путь къ благоволенію Творца Вселенной и будетъ для него другомъ изъ друзей. Наоборотъ, все, что противорѣчитъ этому порядку, по тѣмъ же причинамъ, будетъ для него врагомъ изъ враговъ. И это нужно признать, какъ твердо установленный фактъ.

Теперь, какимъ же образомъ усвоить себѣ внушеніе боговъ насчетъ нашихъ дѣлъ? Какъ дешифровать съ точностью и вѣрностью вѣчный порядокъ Вселенной? Какъ прочесть, среди изрывовъ человеческихъ голосовъ и безумія, въ чемъ заключается для насъ Божественное Предназначеніе? Божественное Предназначеніе или вѣчный порядокъ Вселенной, конечно, существуетъ и во всѣхъ разумныхъ человеческихъ дѣлахъ. Если слѣдовать ему съ вѣрностью, то дѣла эти будутъ процвѣтать и вся Вселенная будетъ поддерживать ихъ и поведетъ ихъ, несмотря на измѣнчивыя противорѣчія, къ побѣдѣ. Если же не слѣдовать ему, не понять его, пренебречь имъ,—гибель и крушеніе будутъ обеспечены для всякаго дѣла.

Какъ понять сго? Весь міръ отвѣчаетъ мнѣ: считайте голоса, требуйте всеобщаго голосованія, и баллотировочные ящики отвѣтятъ на вашъ вопросъ. Я убѣждаюсь, что мы достигли странныхъ духовныхъ широтъ. Въ теченіе приблизительно половины столѣтія либо Вселенная, либо человѣческія головы претерпѣли сильную перемѣну. Со временъ праотца Адама и до половины нашего столѣтія Вселенная, насколько я знаю, вовсе не была мертвой матеріей, у которой будто бы не было никакихъ тайнъ, ибо всякій грамотный прохожіи могъ ихъ читать на ея лицѣ. Наоборотъ, отъ людей недалекихъ, рабскаго характера, нравственно испорченныхъ и неискреннихъ эти тайны были тщательно скрыты. Лишь частично открывались онѣ мудрымъ и благородно мыслящимъ умамъ, которые въ мое время не составляли большинства. Можетъ быть, въ нашу усовершенствованную эпоху, когда главной цѣлью людей стало наживать и тратить деньги, ихъ интересъ ко Вселенной получилъ поразительно упрощенный характеръ, такъ что всякій въ этомъ случаѣ можетъ съ успѣхомъ подавать свой голосъ. «Покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже». Если въ этомъ и заключается сумма всѣхъ социальныхъ обязанностей, конечная точка божественныхъ волѣній, то намъ только и остается дать людямъ самыя широкія полномочія на голосованіе.

Но что, если это не такъ, что, если этого никогда не было, да и быть не могло? Что, если Вселенная, продолжая еще оставаться Храмомъ Провидѣнія, а не только ткацкой фабрикой или скотнымъ дворомъ, не захочетъ припятъ на свое божественное лоно какую-нибудь республику смертныхъ, у которыхъ нѣтъ иной высшей цѣли? Если неизмѣримая на аршинѣ Вселенная рѣшила отвергнуть этихъ бобровъ въ человѣческомъ видѣ, претендующихъ на достоинство человѣка? Что, если она уничтожить, и можетъ быть довольно скоро, и ихъ самихъ и ихъ рынки въ потокахъ грязи, прежде чѣмъ они успѣютъ догадаться объ этомъ? На этотъ случай лучше было бы подумать объ этомъ заранее. Тогда Демократія и всеобщее голосованіе сами собой потребовали бы поправки!

Говоря исторически, я увѣренъ, что ни одна нація не можетъ существовать при Демократіи. Мы много слышали объ античныхъ республикахъ о Demosъ и Rorulus. Но теперь вопліи соглашаются, что они не годятся для пасть. Въ древнія времена не было на свѣтѣ, не было даже и мысли о всеобщемъ голосованіи или какомъ-нибудь другомъ, хотя бы сильно ограниченномъ голосованіи. Когда народный массы находились въ рабскомъ состояніи, а голосующіе являлись королями своего рода, т. е. людьми отъ рожденія предназначенными для управленія другими, когда избиратели были настоящими «аристократами» или ихъ послушными слугами, тогда дѣйствительно могла быть ясно выраженная голосованіемъ воля и самое пестрое столкновеніе мнѣній и интригъ не вело къ немедленной гибели и вымѣнательству Кавеньяка съ его пушками и разгономъ. Рядомъ съ этимъ могло идти и прекрасное развитіе человѣчества, на извѣстное время, конечно. Рядомъ съ этимъ! А, пожалуй, и благодаря этому, вѣрдіе этого, хотя это еще далеко не такъ достовѣрно, какъ привыкли предполагать. Но конституционному мыслящему уму представляются свои сомнѣнія относительно пропехожденія знати у древнихъ грековъ и римлянъ.

Такой умъ не знаетъ, какимъ образомъ, при помощи ли голосованія или безъ него, могла возникнуть въ этомъ мірѣ эта или другая человѣческая знать, если только она не возникла милостью Божію. Онъ припоминаетъ со вздохомъ, что изъ Семи Мудрецовъ, по крайней мѣрѣ, трое были отчасти такъ называемыми Тиранами, а остальные трое очень далеки отъ Красныхъ Республиканцевъ, если не отъ всякаго вообще политическаго вѣроисповѣданія. Въ наши дни мы можемъ сдѣть въ архивъ дѣло классической древности и предоставить разсуждать о нихъ ученымъ клубамъ и кружкамъ для саморазвитія.

О французскихъ республикахъ, которыя дѣлали опыты демократіи и до сихъ поръ еще продолжаютъ ихъ, не стоитъ и говорить. Но существуетъ повѣйшій образецъ Демократіи, почти достигшій совершенства—это Республика Соединенныхъ Штатовъ, которая, какъ утверж-

даютъ, существуютъ съ огромнымъ успѣхомъ лѣтъ уже шестьдесятъ. Къ ней, какъ къ символу надежды для всѣхъ народовъ, какъ къ образцовой Республикѣ, до сихъ поръ обращены всѣ взоры. Развѣ въ самомъ дѣлѣ Америка не примѣръ? Почему бы и другимъ націямъ не существовать и не процвѣтать подъ Демократіей, какъ Америка?

Англичанамъ, и мнѣ въ томъ числѣ, не къ лицу дурно отзываться объ Америкѣ. Несомнѣнно Америка велика и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ богатое и чреватое надеждами явленіе. Несомнѣнно, что одни эти миліоны англосаксовъ показали себя достойными ихъ генеалогіи. Съ топоромъ, плугомъ и молоткомъ, а иногда и съ болѣе усовершенствованными орудіями въ рукахъ, они расчищаютъ огромныя пространства, готовятъ посѣвы для содержанія людей и арену для будущей исторіи міра, дѣлали въ подсолнечной, въ теченіе всей своей жизни, почтенную и пестелую работу. Но что касается образцовой республики или вообще чего-нибудь образцоваго, то люди не глупые знаютъ, что объ этомъ здѣсь говорить не приходится. Титулъ «Республика» или вообще Нація, строго говоря, до сихъ поръ въ Америкѣ остается вещью, къ которой еще только стремятся и еще очень далеко отъ того, чтобы ею овладѣть. Ихъ Конституція была создана здѣсь, а не тамъ. Она въ готовомъ видѣ перешла за ними изъ англійской, старокуртланской мастерской. Вычитите и еще кое-что, что они унесли съ собой изъ Англій въ готовомъ видѣ — ихъ общій англійскій языкъ, и эту самую Конституцію или скорѣе электоръ конституціи, ихъ застарѣлое и теперь какъ бы врожденное уваженіе къ полицейскому участку, два-три-накопо огромныхъ пріобрѣтенія, которыми стоили Англій много крови, страшной работы мозга въ теченіе столѣтій. Что же новаго дала теперь Америка, какіе новые элементы въ политикѣ и въ національномъ самознаніи, какую новую фазу въ человѣческихъ дѣлахъ или социальное повшество, достойное Про- или Эппметелъ? Она дала хлопчатую бумагу, хлѣбъ, — доллары и полмира необработанной земли, гдѣ населеніе, уважающее Констебля, можетъ жить въ настоящее время вовсе

безъ правительства. Вотъ что явилось тамъ. И всякое болѣе благородное сердце чувствуетъ глубокую скорбь, выражающуюся въ молчаливой невыразимо-терпѣливой тоскѣ, что кромѣ этого здѣсь ничего и не оказалось. «Анархія плюсъ городской»! Для меня это то же нѣчто анархическое и притомъ вовсе не употительное!

Я предвижу, что прежде чѣмъ наполнятся пустыри, именно этотъ городской, въ его теперешнемъ видѣ, сдѣлается невозможнымъ. Безъ пустырей, какъ у насъ въ Европѣ, я не могу понять, какимъ образомъ онъ будетъ продолжать свое существованіе хотя нѣсколько годѣвъ. Перестаньте же расхваливать мнѣ Америку съ ея учрежденіями и конституціями. Для спящихъ людей тутъ нѣтъ никакого доказательства, никакого или почти никакого для тѣхъ, кто лѣниво наслаждается митингами и баллотировочными лѣнками на могилахъ ихъ предковъ героевъ и приговариваетъ: «Отлично, отлично». Очевидны только хлѣбъ и ветчина: не очень-то завидный удѣлъ. Америка слишкомъ сильно напрягаетъ свои усилія въ совершенно иномъ направленіи: она рветъ себѣ жилы и почти разрываетъ себѣ сердце, какъ и мы разрывали свое сердце тысячами мученій, пытками и черными демонами, прежде чѣмъ оно стало жилищемъ боговъ. Американцамъ еще предстоитъ выиграть свое сраженіе и мы, хотя опечаленные, но ни мало не сомнѣвающіеся, пожелаемъ имъ силы для этого. Новые духовные Писания, множество такихъ Писановъ, огромныя чудовища, такія же отвратительныя, какими они были рождены нѣкогда изъ грязи, гигантскіе и страшные образы мелькаютъ въ полусвѣтѣ будущаго Америки. Ей предстоитъ еще своя агонія и своя побѣда, но другими, чѣмъ она думаетъ, способами. До сихъ поръ она только работаетъ плугомъ и молоткомъ и работаетъ довольно успѣшно и до сихъ поръ, несмотря на своего «гуся съ яблоками», она представляетъ не много. «Гусь съ яблоками для рабочаго чело-вѣка» — это, конечно, уже нѣчто, и это нѣчто обязапо своей паличностью вашему почтенію къ городовому и вашему запасу необработанной плодородной земли. Но этого, если дѣло остановится на

этомъ, еще не достаточно. Это даже не первый взносъ того, что потребуется отъ васъ. Другъ мой, не хвастайся своими американскими родственниками! Я вѣрю, что ихъ запасъ хлопка, долларовъ и средствъ почти неисчислимъ. Но никоимъ образомъ не могу я преклониться передъ всѣмъ этимъ.

Какую великую душу, великую мысль, дали они, какое благородное дѣло, передъ которымъ я могъ бы безъ униженія преклониться, совершили они? Ни одного. Американскіе родственники еще не блеснули ничѣмъ подобнымъ. «Что они дѣлали, ворчить въ раздраженіи отъ этого вопроса Смелфунгусъ. Они удваивали свое поселеніе черезъ каждые двадцать лѣтъ. Съ неизмѣнной быстротой они произвели на свѣтъ восемнадцать милліоновъ величайшихъ въ свѣтѣ посредственностей — вотъ ихъ подвигъ въ Исторіи!» Поэтому мы оставляемъ ихъ въ данную минуту въ сторонѣ и не рѣшаемся, судя по ихъ дѣйствительности, предсказывать счастливую судьбу Демократіи по ту сторону океана.

Увы! И по сю и по ту сторону Атлантическаго океана, Демократія, думаемъ мы, невозможна навсегда. Это можно предвидѣть и утверждать, несмотря на выраженія грознаго изумленія и возраженія со стороны всякаго рода людей, если только имѣть въ виду законы природы и вѣчно прочные факты. Сама Вселенная есть Монархія и Іерархія. Здѣсь широкая свобода голосованія, всѣ способы выборовъ, политическая свобода воли, но проявленіе ея связано съ неумолимыми и неизмѣримыми условіями. Самая свободная республика избирателей, но подъ ней есть Вѣчная Справедливость, уполномоченная Всемогущей Силою! Вотъ образецъ конституціи. Онъ здѣсь, а не въ какомъ-либо народѣ, гдѣ вѣчная божественная обязанность руководить и контролировать незнатныхъ еще не перенесена на знатнѣйшаго съ его избранной ратью знатныхъ. Мои христіанскіе, лжехристіанскіе и антихристіанскіе друзья приглашаются поразмыслить объ этомъ. Они убѣдятся, что въ этомъ-то и заключается истина. Знатное на первомъ, незнатное на второмъ планѣ—вотъ въ чемъ вездѣ и всегда первѣйшій Законъ Всемогущаго Создателя.

Возпынать Мнимо-Благородное и освящать его, какимъ бы то ни было образомъ, или рабски примыкать къ нему по застарѣвшей привычкѣ—это, какъ бы ни казалось незначительнымъ, на мой взглядъ, вездѣ и всегда является фактическимъ богохульствомъ и Прприрода никоимъ образомъ не пронаестъ этого. Увы! Въ этомъ-то и лежитъ происхожденіе и роковая неизбежность новѣйшей Демократіи! Нужно возпынать истинное, а не мнимо Благородное, Благородное отъ Всемогущаго Бога, а не отъ придворнаго портнаго. Только такое, а не иное Благородное—и это подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, наказанія огромнаго, какъ смерть, страшнаго, какъ самъ адъ на землѣ.

Что баллотировочный ящикъ способенъ поднять это Самое Благородное на первое мѣсто, можетъ ли этому повѣрить любой здравомыслящій человѣкъ? И тѣмъ не менѣе это неизбежный результатъ, къ которому мы всецѣски приходимъ. Если это допустимо, то допустимо все. Если недопустимо, то ничего не постигается. Тотъ, кто не вѣритъ, что баллотировочный ящикъ постигаетъ это, тотъ будетъ относительно равнодушенъ къ нему. Превосходный способъ держать въ спокойствіи экипажъ корабля съ его призрачнымъ капитаномъ, но совершенно негодный, чтобы обогнуть мысъ Горня. Увы! Въ наше время находятся человѣческія существа, которымъ это еще нужно доказывать.

Вѣчная привиллегія глупца въ томъ, что имъ руководить мудрый, что его ведутъ по настоящей дорогѣ, которая ему не такъ хорошо извѣстна. Вотъ первое изъ «правъ человѣка». Въ сравненіи съ нимъ ничто всѣ другія права, всѣ они ничто совершенно лишнее,—заключеніе, само собою вытекающее изъ нихъ. О, еслибы это право было инимъ и даже меньшимъ, чѣмъ простое ничто. Для мудреца это не привиллегія и даже совершенно напротивъ. Несомнѣнно, заключая въ себя средство къ спасенію каждой страны, оно заключается въ себѣ и спасеніе самихъ мудрецовъ. Но въ сущности это тяжелая обязанность мудраго человѣка, если только онъ дѣйствительно мудръ. Обязанность, отъ которой онъ охотно бы уклонился! И дѣйстви-